

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КОМАНДА

ВЕРХОМ
НА АТОМНОЙ БОМБЕ

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Команда

Максим Шахов

Верхом на атомной бомбе

«ЭКСМО»

2011

Шахов М. А.

Верхом на атомной бомбе / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2011 — (Команда)

Команда – самая законспирированная спецслужба России, подчиняющаяся лично президенту. Соответственно, и задачи она решает особые, государственной важности. Руководитель Команды Герман Талеев получил приказ предотвратить готовящийся теракт на Балтике. Исламские террористы собрались пустить ко дну караван из трех судов, перевозящих радиоактивные отходы из Германии в Россию. Причем взрыв должен прогреметь именно в территориальных водах России. Спецы Талеева берутся за работу, не подозревая, что им в спину уже нацелен смертельный удар. И нанесет его человек, от которого Герман меньше всего ожидает предательства...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Шахов

Верхом на атомной бомбе

Пролог

Пригород столицы одного из ближневосточных государств

Роскошный особняк из белого камня, выполненный в классическом восточном стиле, со стороны казался легким, изящным и воздушным. Глаз постороннего наблюдателя вовсе не замечал двухметровой толщины высокой внешней стены, охватывавшей по периметру весь внутренний двор, не останавливался на глухих бронированных воротах, выкрашенных в белый цвет. И конечно, не видел стволов крупнокалиберных пулеметов и скорострельных пушек, скрывавшихся в густой темноте узких бойниц в восьми вытянутых вверх сторожевых башнях под остроконечными крышами.

Если бы постороннему посетителю суждено было оказаться внутри этого благословенного оазиса, его взгляд, несомненно, отдохнул бы на изумрудно-зеленом ковре причудливых газонов, с трепетным восторгом прикоснулся бы к прохладной воде ослепительно-голубого бассейна. Но посторонних наблюдателей внутри этого сказочного замка никогда не было. К нему не вели асфальтированные трассы и скоростные автобаны. Зато нечастые гости прекрасно находили дорогу для своих шикарных лимузинов на твердой, как камень, растрескавшейся поверхности безжизненной, обезвоженной пустыни.

Одного из таких гостей и принимал сейчас с восточным размахом и радушием хозяин особняка. Шикарный обед был закончен, на низком столике в причудливых чашах громоздились лишь экзотические фрукты и разнообразные восточные сладости. Перед двумя мужчинами стояли дорогие кальяны. Хозяину замка на вид можно было дать не больше тридцати пяти лет. Он был высок и тучен, что еще сильнее подчеркивалось просторными ниспадающими белыми одеждами. В густой черноте его ухоженной короткой бороды не было ни одного седого волоса. Подвижный рот с толстыми красными губами крепко ухватил янтарный мундштук кальяна, а взгляд темных оливковых глаз был немигающе устремлен на собеседника.

Гость выглядел не столь респектабельно. Европейский фланелевый костюм мешковато сидел на чересчур худом теле, к тому же был сильно измят и казался несвежим. Несмотря на работающий кондиционер, на седых висках гостя выступили капли пота. Унылый нос нависал над короткой верхней губой, обнажающей крупные желтые зубы. Однако линия подбородка была четко прорисована, что, без сомнения, указывало на недюжинную силу воли и упрямый характер, а тонкая, в ниточку, нижняя губа говорила о хитрости, злобе и мстительности.

Впрочем, добротой и человеколюбием и не должен был отличаться человек, являвшийся вожаком одной из наиболее многочисленных и активных террористических группировок Европы – Фракции Красной Армии, сокращенно РАФ. Правда, ее «золотой век» закончился во второй половине 70-х годов прошлого века вместе со смертью одиозных предводителей Баадера и Майнхоффа, но была и вторая волна, и третья...

– Итак, почтенный Карл, – голос хозяина был громким, раскатистым и вполне соответствовал внушительным габаритам его фигуры, – какие неотложные дела привели вас в мою скромную обитель?

Чуть заметной усмешкой и круговым движением головы гость показал, что отлично понимает, как мало общего имеют окружающие их пышность и великолепие с немецким понятием о скромности, но заговорил совершенно о другом.

– Уважаемый Хасан! Вы, как всегда, отличаетесь удивительной прозорливостью. Именно дела, и, безусловно, неотложные. В другом случае все можно было бы решить по обычным

каналам связи, не отвлекая столь занятого человека, как вы. Да и мне не пришлось бы подвергаться дополнительному риску, впервые отваживаясь на посещение вашего благословенного уголка.

Теперь усмехнулся хозяин.

– Если под «благословенным уголком» вы подразумеваете непосредственно мое жилище, то это так. А вот в «благословенном уголке», каковым, несомненно, является вся эта небольшая страна, вы когда-то не просто побывали, а весьма длительное время провели за изучением наук, далеких от теологии или экономики.

Гость выказал неподдельное удивление, хотя всеми силами постарался это скрыть. Уже четверть века прошло с тех пор, когда группа молодых террористов из Европы проходила боевую подготовку на специальных секретных базах именно в этом регионе. Юный Карл был в их числе, но и предположить не мог, что подобный факт будет известен его молодому собеседнику. Ведь тогда Хасан был совсем ребенком, а Карл носил другое имя и имел абсолютно не похожую на нынешнюю внешность. С тех пор все контакты осуществлялись исключительно через посредников. Надо держать ухо востро!

– Сколько воды с тех пор утекло...

Хозяин вновь усмехнулся. В таком обмене легкими уколами он чувствовал себя как рыба в воде.

– Вряд ли, мой друг, мы так спокойно беседовали бы сегодня с вами, если бы эти годы были заполнены лишь потоками чистой воды...

– Да-да, вы правы! Наша борьба требует значительных жертв и порой весьма... жестких способов достижения цели.

– И пусть эта жесткость карающим мечом опустится на головы наших врагов! – повысил голос Хасан.

– Собственно, об этом я и хотел поговорить...

Хозяин мгновенно успокоился и любезно произнес:

– Я с радостью готов вас выслушать, почтенный!

Карл отложил в сторону наконечник кальяна и заговорил негромко, но убедительно.

– Главным, но не единственным вопросом являются поставки оружия...

Хозяин тут же перебил:

– Неужели с нашей стороны оказались нарушены какие-то предварительные договоренности, не выполнены старые контракты или сорваны новые?

– Нет-нет! Вопрос в другом. Мы сами хотели бы изменить некоторые пункты наших соглашений. И, безусловно, понимаем, что это может вызвать у вас законное недоумение. Поэтому я лично и прибыл сюда, чтобы решить вопрос на месте.

Хозяин ласковым движением огладил свою холеную бородку.

– Вы, конечно, понимаете, что для этого нужны очень веские основания?

Гость кивнул.

– Не сомневаюсь, что, узнав от меня... э... некоторые подробности, вы сочтете их достаточно вескими.

Хасан вновь сосредоточился на кальяне, жестом показав, что готов внимательно выслушать собеседника.

– В широком спектре интересов нашей организации особое место всегда занимали объекты, связанные с использованием радиоактивных материалов: атомные станции, исследовательские центры, хранилища. Однако до сих пор нам не удавалось подобраться к ним...

– Почтенный! – перебил гостя Хасан. – Избавьте меня от описания ваших промахов. Переходите к сути вопроса.

– А суть в том, – голос Карла стал резок, – что недавно властями германской федеральной земли Саксония принято решение отправить большую партию радиоактивных отходов по Балтийскому морю в Россию.

Хасан недовольно фыркнул и пожал плечами.

– Эти сведения известны всему миру. Только ленивый не нашел их в Интернете.

Карл, казалось, не обратил на недовольство хозяина никакого внимания и продолжил:

– Однако уже меньшему числу любопытных известно, что этот груз серьезно отличается от всех предыдущих «вывозов» прежде всего своей высочайшей радиоактивностью. Потому что он состоит исключительно из урановых стержней действующих атомных реакторов, которые какое-то время находились в хранилище радиоактивных отходов «Ахаус» в земле Северный Рейн – Вестфалия. Это не тысячи тонн никому не нужного хлама, а тысяча высокоактивных стержней, нуждающихся в дальнейшей переработке даже перед захоронением.

И снова Хасан резко и безапелляционно перебил гостя:

– Если не удавалось подобраться до сих пор, то откуда теперь появилась ваша надежда на успешный исход дела и насколько она оправдана?

На скулах Карла заходили желваки, он ухватился зубами за мундштук кальяна, стиснул его и низко опустил голову. Когда он вновь поднял ее, ничто уже не говорило о сиюминутной вспышке ярости. Взгляд светлых глаз был холоден и сосредоточен, а голос по-прежнему негромок и спокоен.

– Теперь нам известен каждый этап перемещения этого груза, сроки его поставки на корабль. Даже планы размещения в отсеках и дата отплытия.

Это был сейчас самый правильный ход с его стороны. С лица собеседника мигом слетела маска откровенного недоверия и даже брезгливого равнодушия.

– Вы отвечаете за такие сведения?!

– Настолько, насколько за них может отвечать человек, непосредственно занимающийся подготовкой, транспортировкой и отправкой этого груза. – В глазах Карла сверкнул победный огонь. – А почерпнутые вами, уважаемый Хасан, из Интернета сведения на девяносто процентов состоят из глубоко продуманной дезинформации специальных служб.

Степень крайней заинтересованности собеседника, безусловно, выдавало его поведение: Хасан поднялся на ноги и теперь расхаживал взад-вперед по толстому мягкому ковру. Наконец он остановился напротив гостя.

– Уважаемый Карл! Я позволю себе на несколько минут оставить вас в одиночестве. Всё вокруг к вашим услугам, – хозяин особняка сделал широкий жест рукой. – Если пожелаете, сейчас появятся танцовщицы.

В ответ на это предложение гость отрицательно покачал головой.

– Тогда, может быть, стоит добавить курительной смеси в ваш потухший кальян? Я сейчас распоряжусь.

С этими словами Хасан быстро пересек по диагонали большую залу и скрылся за высокими инкрустированными створками входных дверей. Гость откинулся на мягкие подушки и прикрыл глаза.

Поддерживая рукой длинные одежды, Хасан стремительно поднялся вверх по широкой лестнице и, миновав два поворота, вошел в двери небольшого уютного кабинета. Здесь, на массивном письменном столе, в специальной малахитовой подставке располагалась трубка телефона спутниковой связи. Хасан сделал необходимый вызов и, подождав несколько секунд, негромко и очень вежливо произнес:

– Счастлив приветствовать вас, уважаемый Ахмад!

...Обратно в гостиную залу хозяин роскошного замка вернулся минут через двадцать. Своего гостя он застал в прежней позе около уставленного свежими яствами низкого стола небрежно держащим в правой руке наконечник кальяна.

– Я думаю, почтенный Карл, что мы можем уже сейчас обсудить все вопросы нашего предстоящего сотрудничества.

Тонкие губы гостя тронула легкая понимающая улыбка, а вслух он неожиданно попросил:

– Уважаемый Хасан! Не могли бы вы распорядиться, чтобы принесли какое-нибудь крепкое выдержанное пойло? Мне, определенно, необходим сейчас приличный стакан виски или коньяка. – И, чуть подумав, добавил: – Этим, надеюсь, я не слишком оскорблю ваши глубокие религиозные чувства?

Глава первая

Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия, г. Ахаус

Одноместный номер в небольшом трехэтажном отеле немецкого города Ахаус, где остановился капитан 2-го ранга Сергей Редин, не блистал роскошью, но был удобным и уютным. Гостиная с телевизором, отдельная спальня, ванная комната с душем. Что еще могло понадобиться привыкшему к походным условиям и стесненной обстановке морскому офицеру? А главное, гостиница располагалась всего в двадцати минутах неторопливой ходьбы от специализированного Центра, куда он был откомандирован из Москвы в качестве инспектора-наблюдателя за подготовкой и отправкой в Россию большой партии радиоактивных отходов.

Собственно, делать ему здесь было нечего: работы проводились с безукоризненной немецкой педантичностью, точно по установленному графику, а уж качество... И если бы не один нюанс, его присутствие было бы вовсе не обязательным: груз был опасным, радиоактивным. Вот и решили в российском Комитете по контролю за переработкой, утилизацией и хранением радиоактивных отходов отправить в Ахаус своего высокопоставленного представителя, чтобы, так сказать, «обозреть на месте, констатировать готовность и сопроводить морским путем до пункта назначения». А это был Санкт-Петербург.

День Сергей проводил в Центре, а потом безмятежно отдыхал в своем уютном номере, почитывая привезенные с собой книги и лишь изредка включая телевизор. Он только что принял душ, даже поплескался в небольшой сидячей ванне и, накинув халат, расположился на диване. Чашечка растворимого кофе с сигаретой должна была достойно увенчать очередной «трудовой будень».

Редин пошарил в карманах брюк в поисках зажигалки. Вместо нее рука наткнулась на несколько раз сложенный листок из обычной тетради. Никаких записей Сергей не вел, даже авторучку с собой никогда не носил. Он вытащил и развернул бумагу. Это оказалась записка в несколько строк, выполненная простым мягким карандашом на русском языке: «Через три квартала налево после главной церкви имеется пивной бар. Будьте там завтра в 11 часов утра. Это очень важно. К вам подойдут». Подписи, естественно, не было. Зато в двух десятках слов было полдюжины грамматических ошибок. И все-таки Сергей не сомневался, что записку писал русский. Наверное, немец никогда бы не написал «церковь».

Не надо быть великим сыщиком, чтобы догадаться, что послание подброшено ему во время пребывания на работе: в хранилище, переодеваясь в специальный костюм для посещения зоны строгого режима, он оставлял всю свою одежду в удобном шкафчике безо всяких запоров. Редин еще раз перечитал записку, и возникшее сначала желание посетить тайную встречу стало угасать на глазах: явственно потянуло затхлым душком каких-то закулисных интриг. Разведомания, шпионофобия, призраки «штази» и КГБ... Эти «игры» не в его вкусе.

Записка полетела в мусорную корзину, а Сергей Михайлович, откинувшись на упругий валик дивана, щелкнул кнопкой на телевизионном пульте. Минут через десять он уже дремал под отрывистые звуки немецкой речи и бравурной музыки, сопровождавшей обзорные выпуски теленовостей.

...В 11 часов утра капитан 2-го ранга уже сидел за угловым столиком в меру уютного пивного бара, что находился в трех кварталах от главной церкви, и неторопливо потягивал очень приличный янтарный напиток из высокого фирменного бокала. Посетителей в этот час было немного, человек пять-шесть. Один расположился на круглом стульчике у стойки, двое лениво перебрасывались фразами за соседним столом, остальные поодиночке разместились в небольшом, почти квадратном зале.

Сергей еще продолжал размышлять, что же все-таки сподвигло его на эту опрометчивую встречу, когда мужской голос над самым ухом неожиданно произнес:

– Я присяду рядом с вами, а не напротив, если вы не возражаете, так?

Редин бросил быстрый взгляд на посетителя: лет под сорок, большие серые глаза, прямой нос, очень светлые, почти белые длинные волосы, но не альбинос, потому что яркие брови и густые ресницы были значительно темнее. В общем, приятное, если не сказать красивое лицо. «Вот таким я и представлял себе истинного арийца с фашистских плакатов времен войны», – подумал Сергей, почему-то забыв, что изначально определил незнакомца как русского. «Ах да! Говорит-то он по-русски. Совсем без акцента».

Редин молча указал на соседний стул. Мужчина легко и аккуратно присел вплотную к столу, поставил на него локти и уперся подбородком на отставленные большие пальцы рук, закрывая костяшками остальных пальцев свое лицо до самых глаз. «Интересно, от меня или... – Сергей, не торопясь, оглядел весь бар, но никто даже не повернул головы в их сторону. – Все равно, он явно боится. Вот, черт, мои подозрения о фобиях начинают потихоньку сбываться. А жаль!»

Мужчина между тем спокойно заговорил, повернув голову к собеседнику, но не расцепляя сплетенных пальцев:

– Очень благодарен, что вы откликнулись на мое письменное приглашение. Признаюсь, что слегка сомневался в этом до последнего момента. И продумывал варианты других контактов.

– В этом есть такая насущная необходимость?

Мужчина не ответил, но очень четко представился:

– Меня зовут Виктор Гейденрейх. Родился и первую половину жизни прожил в Советском Союзе. В 90-е годы как этнический немец переселился в Германию по программе воссоединения семей. Имею специальность физика-ядерщика, поэтому оказался в атомном Центре...

Редин не перебивал. Пусть человек выговорится. Неторопливый официант поставил перед мужчиной бокал пива и неслышно удалился.

– Начал с простого подсобника в хранилище радиоактивных отходов, теперь вот работаю мастером целой смены. Предлагают хорошую карьеру в заводском управлении.

Мужчина потянулся к бокалу и мгновенным цепким взглядом окинул помещение бара.

– Никто не проявляет никакого интереса к нашей беседе. Никто не вышел и не появились новые посетители. Значит, ни вы, ни я не привели за собой «хвост».

«Начинается...» – с тоской подумал Сергей и стал подыскивать в уме достойный предлог, чтобы ретироваться. Все-таки открыто обижать соплеменника не хотелось.

– Тогда к делу, – мужчина правильно оценил состояние и скрытое желание собеседника и, наконец, решился. – По большому счету на вас лично, господин Редин, мне глубоко наплевать...

«О! Весьма многообещающее начало, – подумал Редин. – Но так мне нравится больше».

– Переедет ли вас автомобиль или на голову упадет кирпич... Меня тревожат возможные последствия, которые коснутся сотен и тысяч жизней ни в чем не повинных людей, создадут глобальные проблемы всему миру, поставят его на грань катастрофы...

«У-у-у, как все запущено!» – подумал Сергей и, не собираясь выслушивать описание апокалиптических картин конца света, довольно резко произнес:

– Ближе к телу, предводитель!

Собеседник стушевался, пытаясь осмыслить последнюю фразу, и вдруг вспомнил.

– Ха-ха! Замечательно! Прелестно! Так говорил Остап Бендер Кисе Воробьянинову. Когда-то в юности это была моя любимая книга. Ха-ха-ха!

«Да ты вовсе не потерянный для жизни человек!» Впервые Сергей с интересом посмотрел на Гейденрейха. Этот смех снял напряжение и с «русского немца». Тот заговорил легко, не

стараясь подбирать выражения, а сосредоточившись на желании максимально точно донести свою мысль до собеседника.

– Я имею очень серьезные подозрения, что готовится крупная акция...

Заметив, что собеседник замялся, Редин подбодрил:

– Называйте вещи своими именами! Или вы не можете подобрать соответствующее русское определение? Говорите, как думаете.

– Не в этом дело. Я боюсь, что вы потеряете интерес к моему рассказу, приняв меня за одержимого манией преследования или идеей какого-то всемирного заговора.

«Ты не слишком далек от истины, дружок. Но я обещаю выслушать все».

– Так о чем вы конкретно подумали? Честно!

– О террористическом акте! – выпалил Гейденрейх и наконец вздохнул с облегчением. Слово было произнесено. Дальше откровения полились сами. – На своей работе я достаточно насмотрелся на действия всякого рода правозащитников, охранников дикой природы и окружающей среды... Но это было, как бы сказать, извне. Вот. И все их поступки не имели скрытого, тайного характера. Наоборот, чем виднее и громче, тем для них лучше. Телевидение, пресса, реклама... А сейчас всё не так! Идет подготовка изнутри.

– Говоря «изнутри», что вы имеете в виду? – уточнил Сергей.

«Немец» даже удивился его непонятливости:

– Ну, конечно же, наш Центр, наше хранилище! Началось все с банальной случайности: в поисках нужной мне одежды я однажды забрел в дальний супермаркет на выезде из города, который до этого вообще ни разу не посещал. С непривычки быстро устал и расположился за столиком кафе на втором этаже. Он находился вплотную к распахнутому на открытую наружную галерею, но завешанному тяжелой гардиной «французскому окну». Едва я сел, как до меня стали долетать обрывки разговора, который вели двое посетителей за столом на галерее. Первые же фразы не просто заинтересовали меня, а по-настоящему удивили и встревожили. Правда, слышимость была плохая, потому что собеседники говорили достаточно тихо, и это еще больше насторожило меня. Разговор шел о нашем Центре! Причем сообщались настолько специфичные подробности, что не вызывало сомнений: главный рассказчик является сотрудником хранилища. Он говорил о предстоящей отправке радиоактивного груза в Россию! Называл известные лишь персоналу даты, сообщал количество этого груза и его... как это... характеристики. Все было точно! По голосу я не мог узнать ни этого болтуна, ни его собеседника. Как оказалось, я попал на конец беседы, потому что не более чем через пять минут этот собеседник покинул галерею...

Гейденрейх прервал рассказ, сделал большой глоток пива и продолжил:

– Потом встал и болтун, расплатился и направился в противоположную сторону. Тут я решился выглянуть наружу. Сделал это очень аккуратно, чтобы никто меня не заметил. Когда мужчина стал спускаться по винтовой лестнице на улицу, я хорошо разглядел его лицо. Это действительно был один из наших сотрудников! Причем не самого низкого ранга.

Гейденрейх явно был доволен собой и победоносно взглянул на Редина. Сергей едва заметно пожал плечами:

– Может, просто разговорились два сослуживца. Вы ведь не видели второго? Ну, выпили пивка мужики – и потянуло, как часто водится, на разговоры о работе.

Как только Сергей начал говорить, «немец» сразу же отрицательно замотал головой:

– У нас... то есть здесь так не водится. Никогда! Но, конечно, для серьезных выводов этого материала было недостаточно, и я решил не просто внимательно присмотреться к болтуну, а и разузнать о нем все, что возможно. Оказалось, работает он у нас только восемь месяцев. Пришел после того, как закрыли одну из АЭС на побережье. Поэтому и получил сразу должность обер-мастера. Семьи нет, живет один, друзьями не обзавелся... Но не это главное! – Гейденрейх заторопился, видя, что Сергей со скучающим видом начал оглядываться по сторо-

нам. – Однажды я слегка задержался после своей смены – надо было проверить, как убрали помещение мои подчиненные. И застал там обер-мастера! Он не видел меня и, воспользовавшись полным одиночеством, сосредоточенно фотографировал страницу за страницей. Это был журнал размещения и состояния отработанных стержней. Представляете?! Это же самый полный и подробный источник данных о нашей работе!

Наверное, Гейденрейху показалось, что Редин не до конца осознал степень важности сообщенного ему факта, потому что он настойчиво поинтересовался:

– Вы хоть понимаете, что это значит?

– Спокойно! – осадил его Сергей. – Не подпрыгивайте на стуле и понизьте голос на пару тонов. Вероятно, вы забыли, что я нахожусь здесь в качестве инспектора и, значит, безусловно, являюсь экспертом в области практической радиологии.

– Да-да, простите, пожалуйста! Я очень волнуюсь.

– Думаю, что для этого есть некоторые основания...

– Хо! Некоторые! Послушайте дальше. Я решил по мере возможности вообще не выпускать этого подлеца из виду. Благо, что свободного времени у меня оказалось предостаточно. Квартиру обер-мастеру выделили в доме, где проживало большинство наших сотрудников, так что здесь он практически всегда был на виду. А все остальное время я тайно сопровождал его. И вот совсем недавно моя слежка дала нужные результаты. В небольшом старом сквере за церковью он встретился со своим собеседником.

– Это был тот же человек, что в кафе?

– Да. Я сразу идентифицировал его голос. На этот раз слов мне разобрать не удалось, хотя, кажется, обер-мастер обращался к долговязому по имени Карл. Они обменялись небольшими конвертами. Думаю, что в одном были фотографии, а в другом – деньги.

– Скажите, Виктор, а почему все это вы рассказываете именно мне? Если вы подозреваете какой-то криминал, то надо обратиться в местную полицию.

Гейденрейх ответил сразу же:

– Я знал, что вы непременно зададите такой вопрос! К нам, «русским немцам», здесь очень хорошо относятся: пенсии, пособия, социальные льготы, жилье... Грех жаловаться. Но не настолько еще, чтобы всерьез воспринимать детективные изыскания бывшего советского гражданина...

– Достаточно, я понял...

– Позвольте, я все-таки уточню. А вы – не простой гражданин с улицы, не обычный русский турист или иммигрант. Таких людей не присылают без согласования с компетентными органами. Я ведь не задаю вам глупые вопросы о связях с ФСБ или разведкой, чтобы не слышать в ответ предельно аргументированные возражения...

«А ты достаточно умен и практичен!» – подумал Редин.

– Хочу остаться при своем твердом убеждении, что, если понадобится, вы сумеете поставить в известность кого надо и найти пути для... э... противодействия реальной угрозе. Моя задача – это заставить вас поверить в существование такой угрозы и убедить, что она реальна и опасна не только для Германии, но и для России. Для всего мира.

– Считайте, что вам это уже практически удалось.

– Еще один маленький нюанс: к сегодняшней нашей встрече я не смог добыть подтверждение одному очень подозрительному факту. Дело в том, что, продолжая свою слежку за обер-мастером, я увидел, как он делает какие-то пометки на контейнерах, приготовленных к отправке в порт. Причем опять это происходило явно втайне от рабочих, на складе, перед самой отправкой. Мне же удалось осмотреть эти контейнеры уже на автомашинах. Но я ничего на них не обнаружил! Совсем ничего, никаких пометок. И только вчера мне пришла в голову мысль, что наносить условные знаки можно специальным маркером, след которого виден лишь

в определенном спектре. Ну, как при организованной поимке с поличным взяточника, понимаете?

«Иногда вовсе не вредно смотреть полицейские сериалы», – подумал Сергей и кивнул.

– Так вот, теперь у меня есть такой «читающий» прибор, и завтра на отгрузке я проверю всю поверхность контейнеров. Это же будет железная улика: обер-мастер прямо отсюда, из хранилища, зная характеристики того или иного «изделия», подает знак портовой команде, куда загружать тот или иной стержень...

– Да-да, понятно. Это, определенно, очень весомый аргумент. Но, пожалуйста, будьте предельно осторожны. Это чудо, что вас до сих пор не засекли!

По губам Виктора Гейденрейха скользнула довольная улыбка.

– Я постараюсь. Это будет совсем не сложно, ведь проверка контейнеров – тоже часть моих обязанностей.

Он взглянул на часы.

– Однако мне пора на работу. Я рад, что нашел в вашем лице такого понимающего человека. Мы очень скоро увидимся снова. Когда именно, я сообщу вам уже испытанным способом.

Гейденрейх с чувством пожал руку собеседника, поднялся со стула и не спеша вышел из бара. Сергей медленно допил пиво и выкурил целую сигарету. Никто из посетителей не последовал за его наблюдательным собеседником. Ни одна машина не отъехала со стоянки. Все было спокойно. Прошло не менее двадцати минут, прежде чем Редин расплатился и покинул заведение. В хранилище он решил сегодня не ходить, а отправился медленным прогулочным шагом по чистым улицам небольшого городка. Ему надо было о многом подумать.

Еще минут через пять в пивном баре мужчина преклонного возраста, сидевший за дальним столиком лицом к стене, закрыл крышку компактного нетбука, оставил под бокалом несколько денежных купюр и вышел на улицу. Здесь он быстро подошел к неприметному «Опелю» у обочины и опустил на заднее сиденье. Машина резко рванула с места.

...Вторая смена в хранилище заканчивалась поздно. Еще почти час уходил на переодевание и обязательную душевую процедуру. Так что освободился Виктор Гейденрейх незадолго до полуночи. Он не воспользовался услугой специального пассажирского микроавтобуса, который развозил по домам закончивших работу специалистов. Зачем, если от Центра до его квартиры медленным шагом не более пятнадцати минут ходьбы?

Но главной причиной столь поздней прогулки стало, безусловно, прекрасное настроение, в котором пребывал Гейденрейх. Он великолепно справился со своей задачей: обнаружил таинственные надписи на контейнерах, которые оставлял обер-мастер. Не только обнаружил, но и сумел сфотографировать! Как это можно сделать в свете спецприбора, еще вчера объяснил ему один знакомый местный фотограф. Кстати, тоже из русских. А сделать фотографии было непременно надо: буквы, цифры и знаки определенно представляли собой какой-то код, расшифровать который в спешке Виктор не смог. Ничего, он сейчас займется этим в уютной тишине своей небольшой однокомнатной квартиры-студии. Не беда даже, если у него ничего не получится: завтра он передаст все материалы русскому инспектору, а там...

Гейденрейх не сомневался, что господин Редин сотрудничает с определенными силовыми структурами России и всегда может связаться с кем надо через советников российского консульства. А теперь неопровержимых улик для этого было вполне достаточно.

Весь небольшой четырехэтажный дом был погружен в темноту, жители давно спали. Виктор прошел в экономно освещенный подъезд, поднялся на второй этаж, легко открыл входную дверь собственной квартиры и шагнул в глубину просторной прихожей. На голову опустилось что-то мягкое, влажное и плотное. Он инстинктивно втянул в себя воздух, пытаясь закричать, но в легкие через горло проникла какая-то странная медицинская субстанция со сладковатым запахом, заставившая Гейденрейха поперхнуться. Он хотел вскинуть руки, но почувствовал, что не может оторвать их от тела. Ни на что другое мгновенно не осталось сил,

мозг начало заволакивать туманом, который почему-то показался Виктору ярким и розовым. Он даже попытался улыбнуться, но так и застыл с растянутыми губами и не до конца прикрытыми веками. Гейденрейх спал.

Опускающееся на пол безвольное тело подхватил крепкий мужчина, который до этого стальным обручем прижимал руки жертвы к туловищу, легко поднял его и негромко приказал:

– Быстро освободи его голову! Нам вовсе не надо, чтобы в легкие попало много испарений. Хотя вряд ли это определит экспертиза. И спрячь полотенце в целлофановый пакет.

Его такой же коренастый напарник беспрекословно выполнил распоряжение и прошел в комнату, куда проследовал и главарь со своей живой ношей. Бандиты действовали молча и слаженно. Уложили спящего Гейденрейха на диван, раздели до трусов и майки, тщательно обыскав все карманы и возможные потайные места одежды. Потом старший достал уже заполненный бесцветной жидкостью шприц и, немного подумав, аккуратно ввел иглу в волосистую часть головы у основания черепа. Жертва даже не дернулась.

Выждав несколько минут, главарь приложил пальцы к пульсу на шее и удовлетворенно кивнул. Потом двумя руками приподнял безвольную голову Гейденрейха и с силой ударил ею об острую грань деревянного подлокотника дивана. Как раз тем местом, куда только что сделал укол. Из рассеченной кожи начала слабо сочиться кровь.

В это время его напарник достал из кармана бутылку водки и плеснул немного жидкости в стоявший на столе пузатый бокал. Потом убийцы вдвоем аккуратно влили граммов сто водки в раскрытый рот жертвы. Неважно, что большая ее часть все-таки расплескалась по сторонам: экспертиза все равно зафиксирует наличие алкоголя. Затем бутылка была прижата к раскрытой ладони Виктора и поставлена обратно на стол рядом с бокалом. Вдобавок коренастый швырнул на пол трубку домашнего радиотелефона, а с мобильного сделал вызов по номеру Службы спасения и положил аппарат рядом с холодеющими пальцами правой руки Гейденрейха.

После этого оба мужчины тихо покинули квартиру, захлопнув дверь на автоматический замок. В крошечной темноте ночи не засветилось ни одно окно, не скрипнула ни одна дверь. Уютный дом продолжал мирно и безмятежно спать.

Когда в середине следующего дня Сергей Редин пришел в хранилище, его сильно удивило отсутствие там Гейденрейха. Хотя они и не договаривались о встрече, но сейчас работала именно та смена, в которой Виктор был мастером. Станным показалось и то, как сотрудники реагировали на расспросы капитана 2-го ранга. Не нужно знать немецкий язык или иметь под рукой переводчика, чтобы правильно и внятно произнести фамилию «Гейденрейх». Однако одни лишь недоуменно пожимали плечами, другие бормотали что-то маловразумительное, отводили в сторону глаза и торопились расстаться с любопытным инспектором.

Редин понял, что без визита к высокому руководству ему не обойтись. В административном корпусе царил чинное деловое спокойствие. Ему, как всегда, оказались «несказанно рады». Но после его прямого вопроса и без того постная физиономия немецкого директора стала вовсе унылой и печальной.

– Какой неслыханный удар! Мы все так скорбим! Такой талантливый инженер... И был так молод!

Нехорошие предчувствия зародились у Редина еще в самом начале этого патетического директорского монолога, а теперь он довольно резко спросил:

– Что, собственно, произошло?

– Как, до вас еще не дошли эти трагические слухи?! Все наши сотрудники только и говорят об этом. Ах да, некоторые проблемы с языком...

– Какие проблемы с языком?! Никто не хочет со мной говорить о Гейденрейхе.

– Люди так подавлены! Вы должны их понять. Не каждый день умирают наши ведущие сотрудники...

Так! Слово произнесено. Смерть...

– Простите, умирают или погибают?

Вице-директор с глазами печального пингвина вполголоса посоветовался о чем-то с переводчиком, тот утвердительно покивал очкастой головой и подтвердил:

– Господин директор сказал «умирают». Здесь имеется некоторый языковой нюанс, непонятливый на слух и трудный для точного перевода.

«Сам ты непонятливый!» – подумал Сергей и попросил:

– Вы мне коротко расскажите, что произошло, а я сам решу, умер, погиб или... преставился.

– Как, простите?

– Неважно, – внутри Сергея поднималась волна глухого раздражения. Некоторым усилием он подавил ее и предельно вежливо произнес: – Итак, я слушаю. – И, обратившись лично к переводчику, добавил: – Попрошу вас обойтись без эмоций. Вам так будет легче переводить, а мне – воспринимать.

– Утром в дирекцию позвонили из местного отделения «Скорой помощи» и сообщили, что несколько часов назад к ним был доставлен господин Гейденрейх в состоянии... э... уже наступившей смерти. Тем не менее в стационаре были дополнительно предприняты все меры, чтобы реанимировать пострадавшего. Увы, безрезультатно. Диагноз: обширный инфаркт. Он скончался дома в течение нескольких минут. Вряд ли кто мог бы ему помочь.

– Насколько я знаю, Гейденрейх жил один. Кто же тогда вызвал ночью «Скорую помощь»?

– Наверно, это сделал сам господин Гейденрейх, почувствовав приближение приступа.

– Его вызов зафиксирован?

– Он набрал номер телефона Службы спасения, но уже не смог ничего сказать и, вероятно, выронил сотовый телефон из руки. Однако вызов продолжал поступать. По нему затем и определили местонахождение пострадавшего.

– Так, понятно. – Хотя таких объяснений Редину явно было недостаточно. – А что говорит местная полиция?

– Они, как положено, выделили следователя для уточнения всех нюансов трагического происшествия. После осмотра квартиры пострадавшего и беседы с врачами тот сделал заключение, что никаких признаков... э... насильственной смерти не зафиксировано. Если именно это вы имеете в виду.

– А вас что, все устраивает?! – Недовольство Сергея все-таки вырвалось наружу.

– Все русские такие подозрительные! И вовсе не хотят заботиться о своем здоровье...

– Это надо понимать так, что Виктор Гейденрейх страдал хроническим сердечным недугом и не хотел лечиться, да?

– Ну-у-у, мы не будем делать такие скоропалительные выводы. Однако в клинику он не обращался, хотя наша фирма предоставляет очень выгодную медицинскую страховку с учетом всех особенностей вредного производства.

– Так, может, логичнее предположить, что Гейденрейх просто не нуждался в клиническом обследовании и лечении?

– Возможно, возможно... Подобные приступы могут быть острыми, единичными, но, увы, с летальным исходом. Как и произошло в этом случае. А вот его сослуживцы не один раз замечали... э... нездоровье господина Гейденрейха. Даже вчера днем на работе он плохо себя чувствовал и неважно выглядел. Настолько, что обер-мастер дважды предложил ему обратиться в медпункт и пойти домой отдохнуть. Это было, безусловно, возможно, так как сам обер-мастер готов был взять на себя его производственные обязанности. Однако Гейденрейх категорически отказался! Еще врачи сделали предположение, что спровоцировать приступ мог алкоголь, который несчастный... э... употребил незадолго до смерти. В его квартире была найдена

открытая, наполовину пустая бутылка водки. Возможно, таким способом господин Гейденрейх хотел, придя домой... э... справиться с недомоганием, или, как это у русских, снять стресс.

«Господи, весь мир знает, «как это у русских»!» – подумал Сергей, но не стал вступать в дискуссию.

Обер-мастер! Таких откровений Редину было уже достаточно. Стоит ли продолжать мучить унылого руководителя? Сергей на прощание выразил желание лично побеседовать с полицейским следователем и попросил в сопровождающие переводчика. На час-полтора, не больше. Ему с удовольствием пошли навстречу, а вице-директор даже лично договорился по телефону о предстоящем randevu в полицейском управлении.

Следователь оказался молодым, рьяным и непредызятым. Он понравился Редину еще и тем, что сразу согласился покинуть казенные стены полицейского управления и продолжить разговор на месте происшествия, то есть в квартире Гейденрейха.

Что Сергей собирался там найти, он и сам не знал. Может, записку, сообщение, знак... Или следы насилия. Но ничего не было! Входная дверь открывалась только ключом. Соседи не слышали никакого шума и вообще не знали, когда вернулся хозяин квартиры на втором этаже. Разбитый от падения на пол домашний радиотелефон и включенный на вызов Службы спасения мобильник следователь показал Редину еще в управлении. Там же находились пузатый бокал и ополовиненная бутылка водки со следами пальцев Гейденрейха.

А вот угол дивана, о который, падая, ударился затылком пострадавший. Нет-нет, рана абсолютно не опасна и никак не могла повлиять на состояние здоровья! Если господин Редин желает, можно прямо сейчас проехать в морг и еще раз детально осмотреть тело умершего. Отсутствуют следы любых инъекций. Полицейский следователь лично осмотрел каждый сантиметр тела. Даже под мизинцами на ногах! Да-да, был такой случай...

А вот заключение экспертов о содержимом желудка и состоянии внутренних органов: легких, печени, поджелудочной железы... Никаких следов пищевого отравления или вдыхания ядовитых паров. Взяли даже костный мозг для специального исследования на предмет возможного применения радиоактивных препаратов. Правда, результаты будут лишь в конце недели, но клиническая картина смерти полностью отменяет такую возможность.

Нигде нет ни единого повреждения, отпечатка, постороннего следа.

Конечно, Редин со следователем детально осмотрели все домашние вещи скончавшегося и содержимое его карманов. Ничего, кроме элементарных бытовых мелочей, в них не было. Нет, никакого фотоаппарата в доме не обнаружено. И прибора для определения фальшивых денег – тоже. Тем более для чтения надписей в специальном освещении. Ауфвидерзеен, герр Редин!

Значит, фотоаппарат и прибор забрал убийца. Ни в какой «обширный инфаркт» Сергей не верил. Нет, инфаркт, конечно, был, это медики установили точно. А вот вызвавшей его причины определить не сумели. Какая, к черту, водка! Виктор Гейденрейх не пил ничего, кроме пива, и никогда не обращался к врачам по поводу сердечных недомоганий.

Впрочем, журналист Герман Талеев, большой друг Редина и специалист в... разных отраслях, как-то рассказал ему, что существуют такие препараты, которые действительно не могут быть обнаружены никакой экспертизой. По крайней мере сейчас. Потом, конечно, найдут возможности, но к тому времени изобретут уже новые препараты... Этот процесс бесконечен. Игра в казаки-разбойники: одни убегают – эти всегда чуть впереди, – другие ловят, слегка отставая.

Но в случайные совпадения Редин давно уже не верил. Тем более что касается человека, непосредственно отвечающего за погрузку опасных радиоактивных материалов.

Интересно, что же все-таки послужило для бандитов решающим толчком к убийству Гейденрейха? Какие-то его неосторожные действия в хранилище в последний день работы? Или

обер-мастер заметил непрофессиональную слежку уже давно? В последнем случае странно, что никто не наблюдал за их встречами в пивном баре. А может, все-таки следили?

Тогда напрашиваются два вывода. Во-первых, сам Редин тоже находится под колпаком, и не исключена возможность применения каких-то мер устрашения к нему тоже. Вряд ли это будет убийство. Не следует переоценивать значимости своей фигуры и ценности сообщенных Виктором сведений. Но побережись вовсе не помешает. А главное, предпринимая теперь любые действия, призвать на помощь весь свой небольшой опыт разведывательно-диверсионной работы.

Во-вторых, дело у этих ребят поставлено с размахом и на высоком профессиональном уровне. Значит, конечная цель оправдывает такие средства. Надо немедленно связаться с Талеевым...

Сергей вернулся в гостиницу. Он решил воспользоваться не телефоном, а ноутбуком. У него в дорожном чемодане лежал компактный, но достаточно мощный нетбук фирмы ASUS, которым он еще ни разу не пользовался за границей. Вряд ли бандитам удастся перехватить такой контакт, даже учитывая их отличную оснащенность. За Талеева капитан 2-го ранга не беспокоился: Гера никогда не расставался с ноутбуком, а его работу обеспечивал такой провайдер, который гарантировал надежную защиту от взлома.

После коротких обыденных приветствий – они виделись совсем недавно, перед отъездом Редина в Германию, Сергей изложил суть дела, стараясь не пропустить ни одной мельчайшей детали. Получился довольно длинный рассказ, в течение которого журналист не перебивал друга и лишь под конец задал вопрос:

– Я понял, что эти стержни уже не один день как перевозят наземным транспортом в порт, да?

– Недели три возили, – подтвердил Редин. – Практически уже закончили. До отправки судов осталось несколько дней.

– А за все это время были какие-нибудь выступления «зеленых» или кого-нибудь еще в знак протеста? Или, может, поддержки? Митинги, демонстрации...

– Нет, не было. Я, правда, здесь не с самого начала, но точно не было. Это странно, да?

– «Зеленые» в Германии действительно сильны. Насколько я в курсе, никогда не упустят случая помитинговать. А уж по поводу такого груза... Но это я так, к слову. Вообще, защитники живой и дикой природы сами по себе не отважатся на сколь-нибудь серьезную акцию, я имею в виду террор. Здесь что-то другое. И явно кто-то другой стоит за всей этой акцией. Есть у меня на этот счет кое-какие мысли, но пока их обсуждать рано...

– Как это рано?! Вот-вот корабли отчалят, а тебе рано? Или не убедили факты, которые я предоставил?

– Не кипятись, Серж! Вполне убедили. Потому и мысли появились сразу. Надо эти факты сопоставить с... ну, с другими данными. Это не займет много времени. Думаю, в течение завтрашнего дня я разрешу эти вопросы и сам свяжусь с тобой. Ты в свое хранилище пока не ходи. Вообще, не разгуливай по городу. Пересиди в гостинице, отоспись...

– Теперь вижу, что заинтересовал тебя всерьез, раз ты так насторожился и печешься о моей безопасности. Все будет исполнено, товарищ генерал!

– Да какой я тебе генерал!.. Ладно, до связи. Удачи.

Герман Талеев действительно не был генералом, да и вообще военным. Он был классным журналистом-международником, имевшим блестящую репутацию и солидный вес даже в кругах кремлевского бомонда. А главное, он являлся одним из руководителей тайной организации, весьма условно именуемой Команда. Эта вторая ипостась его жизни была доподлинно известна, пожалуй, лишь одному человеку в стране – разумеется, не считая дюжины штатных сотрудников самой Команды.

Таким человеком был помощник президента России Владимир Викторович Алексахин. Он направлял и курировал деятельность Команды. Даже президент знал лишь о существовании такого подразделения, но не о его численности или персональном составе. Так было заведено еще при предыдущем первом лице государства, и новый президент согласился с этим. Главным в этом решении было, пожалуй, то, что Команда справлялась с задачами, перед которыми отступали все остальные силовые службы. Ведь закон законом, но есть еще и справедливость, и интересы государства, порой идущие вразрез с настоятельными требованиями международной политики, и вопросы невмешательства...

Команда брала на себя то, от чего на любом официальном уровне неизменно открешивались СВР, ФСБ, ГРУ, МВД и полдюжины других аналогичных госструктур. Правда, ее методы решения насущных для Отечества проблем зачастую переступали допустимые грани закона, а подчас вступали в конфликт с некоторыми требованиями человеческой морали и этики. Но к кому апеллировать, если само существование Команды не подтверждалось ни единым документом и не было зарегистрировано ни в одном, даже самом секретном реестре?

Капитан 2-го ранга Редин не был членом Команды, не знал о существовании Куратора, но трудно было найти в стране человека, который бы столь тесно и так часто с ней сотрудничал. На самом деле только стечение обстоятельств свело его с Талеевым несколько лет назад в щекотливом деле о захвате американской субмарины. Затем волей случая он оказался в центре готовящегося теракта на Северодвинском судостроительном заводе. А вот к событиям на острове Шпицберген его привлекли – правда, «втемную» – уже по просьбе самого Талеева.

Короче, кавторанг стал настоящим другом журналиста и просто в доску своим парнем для Вадима, Анатолия и Галины Алексеевой по прозвищу Гюльчатай – основных подчиненных Талеева. К кому же другому мог он обратиться за помощью, попав в сложную, опасную и непредсказуемую ситуацию?!

В животе что-то протяжно заурчало, и он вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Сбравшись спуститься вниз, в гостиничное кафе, Редин мельком взглянул на часы, присвистнул от удивления и тут же плюнул с досады: кафе закрывалось уже через десять минут. «Ладно, в двух кварталах отсюда есть ресторан, который работает то ли до полуночи, то ли до 23 часов. Там и поужинаю». Сергей накинул легкую куртку, спустился в вестибюль и, не оставляя ключи портю за стойкой, вышел на улицу.

«Девять часов вечера, а такое впечатление, что весь городок погружен в глубокий летаргический сон. Понятно, почему для местной полиции вполне естественно, что в полночь в целом доме не отыскать ни одного свидетеля убийства! – Мысли его постоянно возвращались к трагической гибели Виктора Гейденрейха. – Ничего, мы еще будем посмотреть, кому это позволено так обижать русских. Неважно, в какой стране».

Занятый своими мыслями, Редин не замечал темного цвета автомашину «Опель» с выключенными фарами, бесшумно скользившую по скудно освещенной и абсолютно пустынной улице в нескольких десятках метров позади него. Вот расстояние сократилось до тридцати метров, вот уже двадцать, десять... Мотор «Опеля» взревел, машина прыгнула вперед, в одно мгновение перекрыв отделяющее ее от пешехода расстояние. Сергей успел лишь повернуть голову на неожиданный резкий шум, когда автомобиль, въехав передними колесами на тротуар, ударил его в бок, отбросив на стену ближайшего дома.

Удар оказался настолько сильным, что Редин сразу потерял сознание. Машина остановилась. Потом медленно съехала обратно на проезжую часть. Из бесшумно открывшейся передней двери на тротуар вылез худой долговязый человек в темной одежде. Он подошел к неподвижному телу, присел на корточки и начал не спеша обыскивать карманы пострадавшего. Время от времени мужчина включал маленький фонарик, чтобы в свете его узкого луча рассмотреть тот или иной извлеченный предмет. Особое внимание он уделил паспорту и мобиль-

ному телефону. Все вещи после добросовестного осмотра возвращались на прежние места. Кроме ключа от гостиничного номера.

Когда обыск был закончен, мужчина позвонил куда-то и вернулся на свое место рядом с водителем «Опеля». Машина отъехала за поворот и остановилась. Через семь минут к месту происшествия на большой скорости подъехал микроавтобус «Скорой помощи». Выскочившие из салона двое санитаров с носилками сноровисто уложили на них так и не пришедшего в себя Редина, загрузили в фургон, и «Скорая помощь» так же стремительно растаяла во мраке надвигающейся ночи.

Неприметный «Опель» вырулил на середину улицы и покатился по направлению освещенного входа в рединский отель.

Сергей пришел в себя в палате местной клинической больницы, когда его осматривал дежурный врач. Тут же подошел один из санитаров, который, оказывается, немного говорил по-русски. Пострадавшему объяснили, что никаких серьезных травм у него нет, кроме сильного ушиба левого бедра от столкновения с боковой поверхностью автомобиля и легкого сотрясения головного мозга от удара затылком о стену дома. Хорошо, что на пустынной улице оказался случайный прохожий, ставший свидетелем... э... неосторожных действий господина Редина, попытавшегося сойти с тротуара и столкнувшегося с проезжавшим мимо автомобилем. Этот прохожий и вызвал «Скорую помощь». Если бы пострадавший оставался без сознания длительное время, могли бы возникнуть осложнения в мозговом кровообращении. А так требуется лишь отдохнуть два-три дня в больничных условиях под присмотром квалифицированных медиков... «Хорошо-хорошо, не волнуйтесь, больной, пусть будет один день. Нет, сейчас вам просто невозможно покинуть стены клиники: пока вы были без сознания, врачи сделали вам необходимые успокаивающие и восстанавливающие силы инъекции. Вы безмятежно проспите до утра...»

Редин опустил ноги на пол и попытался встать. Его сильно качнуло вбок, голова резко закружилась, и он непременно упал бы, если бы не заботливые руки доктора и санитаря. Сергей понял, что, действительно, вряд ли ему хватит сил добраться до гостиницы. К тому же неудержимо клонило в сон. «Ладно, какая, в общем-то, разница, где провести ночь». Он позволил вежливо уложить себя обратно в койку и укрыть до самого подбородка мягким одеялом.

Когда врач, пропустив вперед санитаря, остановился у входа, чтобы погасить в палате свет, Редин уже крепко спал.

Глава вторая

Москва, Кремль

Несмотря на глубокую ночь, помощник президента Владимир Викторович Алексахин не спал. Со стороны могло показаться, что, неподвижно развалившись в своем небольшом уютном кремлевском кабинете в мягком кресле, закрыв глаза и безвольно свесив кисти рук с подлокотников, он мирно дремал в абсолютной тишине. Однако его тренированный мозг напряженно работал. Уже который час подряд он просчитывал десятки замысловатых комбинаций возможного развития событий, началом которых для него стал неожиданный телефонный звонок Талева.

Помощник в это время находился на совещании у президента и, как обычно, хотел сразу перенести разговор на более позднее время, но журналист успел-таки вставить несколько слов о чрезвычайной важности своего сообщения и пообещал быть максимально немногословным. С прижатым к уху аппаратом Владимир Викторович, взглянув испросив разрешения, вышел в небольшой вестибюль перед открытыми дверями президентского кабинета.

Журналист ни в чем не погрешил против истины. Его рассказ оказался действительно чрезвычайно интересным. Талев уложился не более чем в четыре минуты. Правда, на раздумья и самый короткий ответ времени у Алексахина не было вовсе. Да, похоже, Талев и не ожидал скорого решения. Как всегда, у него были свои мысли, свои планы, о которых он лишь сообщал Куратору. Так было заведено изначально и устраивало всех. Поэтому Владимир Викторович пообещал собрать необходимый материал в течение вечера и ночи, обдумать наиболее важные аспекты возникшей проблемы и завтра к полудню связаться с Талевым.

Идеальной была бы, конечно, личная встреча, но выкроить даже полчаса в напряженном графике работы Куратор не мог. На том и распрощались. Помощник вернулся в президентский кабинет и постарался вновь настроиться на решение насущных вопросов экономического развития ведущих регионов страны, однако это у него получалось плохо – слишком значимой оказалась информация журналиста. Точнее, капитана 2-го ранга Редина из Германии. Особенно когда услужливая память Владимира Викторовича подсказала ему кое-какие факты из месячной данности сводного отчета ФСБ, представленного президенту России.

В этом отчете, который доводил до ума сам Алексахин, упоминалось о заметном оживлении на ближневосточном рынке оружия. Подробностей помощник тогда не запомнил, поэтому, вернувшись после совещания в свой кабинет, разыскал эти материалы на личном компьютере. И даже не поленился запросить дополнительные сведения в архивах ФСБ. Сопоставив их с докладом Талева, Владимир Викторович получил ошеломляющие результаты: из взрывоопасного Ближнего Востока в старую добрую Европу, а точнее, в добропорядочную, строгую во всем, что касалось международных договоров, Германию потянулась не просто ниточка преступных связей, а целый канат! И финальным аккордом прозвучало сообщение о засеченном телефонном контакте с абонентом по имени Ахмад.

Именно сопоставление этих разнесенных по времени и месту событий давало теперь ему, и только ему, возможность просчитать вероятность осуществления тех или иных действий и предугадать их течение и последствия.

Если Карл – имя еще мало известное в мировых террористических кругах, то Ахмад... Безусловно, это Ахмад Джебриль, бывший капитан сирийской армии, стоящий во главе Народного фронта освобождения Палестины – Главного Командования (НФОП-ГК). Эта террористическая организация в последние годы значительно расширила свою деятельность за пределами Ближнего Востока. Имелись точные сведения о наличии ее оперативной структуры в Западной Европе, которая пока не выявлена. В тренировочных лагерях на территории Ливана проходили подготовку боевики, предназначенные для конкретных диверсионно-террористи-

ческих актов в Европе! В настоящее время, по твердому убеждению Куратора, НФОП-ГК – самый серьезный противник европейских демократических правительств, в том числе и российского.

Был еще один нюанс: НФОП-ГК в определенных кругах считали новатором в терроризме. Многие акции она проводила с использованием нетрадиционных технических средств – например воздушных шаров и мотодельтапланов. Тон в этом задавал сам Джебриль, который в 80-е годы лично атаковал израильский вооруженный патруль на дельтаплане.

Разве можно ожидать, что такой человек станет работать «вторым номером» у какого-то Карла?! К тому же известно, что Ахмад болезненно относится к мировой известности Усамы бен Ладена после террористических актов 11 сентября 2001 года. Джебриль не раз высказывался в узком кругу, что его слава ничем не заслужена, как и политическое влияние «террориста номер один» во всем арабском мире. Этот факт говорит, пожалуй, об одном: если у Джебриля появится малейшая возможность переплюнуть бен Ладена, он, не колеблясь, ею воспользуется, приложив к этому максимум своего «новаторства» и изощренности.

Теперьшний случай – если рассматривать все имеющиеся факты и предположения в комплексе, просто идеальный вариант для Ахмада, чтобы как минимум встать вровень с бен Ладеном. Никаких повторов, никакого подражательства! Не Америка, а старушка Европа, не самолеты и разрушенные «билдинги», а урановые стержни высочайшей радиоактивности – и, наконец, не три тысячи жертв, а сотни тысяч обреченных плюс глобальная экологическая катастрофа в самом центре Старого Света! Слишком лакомый кусок, чтобы Джебриль мог пройти мимо него.

А он, Владимир Викторович Алексахин, помощник президента России, Куратор Команды и просто умный и практичный человек, должен сейчас выбрать такую линию поведения, чтобы, соблюдая интересы государства на международном и внутреннем уровне, не задеть финансовые амбиции очень влиятельных лиц. А эти амбиции в открывшихся обстоятельствах, несомненно, были!

Например, недавно начатое на Балтике строительство газопровода «Северный поток». Масштабный, безусловно супервыгодный для России проект, в значительной степени финансируемый государственными структурами. Он позволит резко сократить перекачку газа в Европу через наземные трубопроводы Украины и Белоруссии. Но ведь в эти тысячекилометровые коммуникации вложены многие миллионы долларов не только местной, но и российской финансовой элиты. И дают они миллиардные прибыли! Так что «замораживание», а еще лучше полное прекращение строительства «Нордстрима» позволит не просто компенсировать эти вложения, а значительно увеличить прибыль от экспорта газа по старым «ниткам». А именно такую негативную реакцию у всех прибалтийских государств вызовет любой террористический акт на Балтике, тем более столь грандиозный, сопряженный с радиационной опасностью.

Как все взаимосвязано в этом мире! Природный газ, урановые стержни, уникальный подводный газопровод, арабские террористы и германские экстремисты, Команда, Редин и он – помощник президента, Куратор, – и...

Затекшая левая нога заставила Алексахина подняться с кресла и несколько раз пройтись по небольшому кабинету. Его решение должно быть безошибочно точным и максимально продуманным. Слишком многое поставлено на карту. Он, как никто другой, знал не только возможности Команды, но и сильные и слабые стороны большинства ее членов. Поэтому с большой степенью вероятности мог предсказать их поведение в разных сложных ситуациях.

Сейчас он был уверен, что ему без посторонней помощи вряд ли удастся найти оптимальный выход из противоречивой ситуации. Как человек решительный, Алексахин склонялся к радикальным методам разрешения сложившейся коллизии. Все-таки психолог он был отменный...

Куратор сел за письменный стол в деревянное вольтеровское кресло с высокой прямой спинкой и раскрыл личный ноутбук.

– Гера, прости, что беспокою в такое время, но не сомневаюсь, что ты и не ложился спать...

Талеев действительно был одет в мягкий теплый домашний пуловер, а задремал только несколько минут назад, сидя на диване и откинув голову на высокий валик. Большие электронные часы в гостиной его московской квартиры показывали без пяти пять утра. В горле до сих пор першило от неимоверного количества выкуренных за ночь длинных тонких ароматных сигар. Журналист пожевал губами: специфичный привкус никотина во рту не забили даже несколько больших чашек крепчайшего кофе. «Надо было все-таки стакан коньяка принять! Хотя бы выспался».

– Боюсь, что в течение дня не сумею выкроить и пяти минут, чтобы пообщаться. Нужные материалы я уже получил, сейчас переброшу тебе. Маловато, правда. Думаю, что ты успел принять решение помочь нашему другу и готовишься в путь...

Талеев усмехнулся. Куратор хорошо его изучил.

– Облегчу и, так сказать, легализую для тебя процесс путешествия. Ближайший большой город – Мюнстер. Там ежегодно проходит международная медицинская выставка. Начинается послезавтра и продлится три дня. Ты наш официально аккредитованный корреспондент от... сам не помню, посмотришь в документах, которые ожидают тебя в «Шереметьеве» вместе с заказанными билетами на вечерний рейс и бронью на гостиницу... А, так и называется – «Мюнстер». Разберешься на месте. Связь по обычным каналам. Вопросы?

– Какие сейчас вопросы... Спасибо.

– До связи.

Талеев принял душ – все равно спать уже не придется – и взялся за изучение полученных от Куратора материалов.

«Карл, Карл... Имя незнакомое, но я не работал по Германии. Тут, пожалуй, может помочь Гюльчатай. Она как-то провела там несколько месяцев под видом эмиссара турецких «Серых волков». Но это потом... Вот Хасан – фигура известная, крупнейший посредник в торговле оружием на Ближнем Востоке. Значит, цель Карла – оружие? Вряд ли только это. Хасан выступает и как главный «сводник». Тогда возможно проведение совместной операции. Интеграция, черт побери, у них теперь тоже в моде! Экстремисты в Германии не сказать что слабы, но... Это тебе не Баадер-Майнхофф. Да и после их разгрома столько лет прошло! Не было практики крупных акций. Значит, понадобились опытные боевики. А где их взять, как не среди мусульманских террористов, отмороженных и очень неплохо подготовленных? Логично. Молодец, Карл, комплексный подход. А вот нам, татарам, один... хрен, кого ты с собой приведишь!»

Гера мысленно – в который уже раз – вернулся к своему разговору с Рединым.

«Похоже, этот Карл пошел в народ: налицо постоянные контакты с активной верхушкой «зеленых». И в Россендорфе, и здесь, в Ахаусе. Недаром ведь ни одного выступления этих природозащитников не случилось в самый подходящий для их профиля момент. К тому же их многочисленные ряды – прекрасный «детский сад» для подготовки будущих бойцов РАФ. Неглуп мужик, на том и приподнялся. Пока вот только остается неясность с этой маркировкой контейнеров. Будем надеяться, что у Гейденрейха все получится. А нет – так сами на месте разберемся: до отплытия судов Карл будет сидеть тише воды, ниже травы, чтобы ненароком не привлечь к себе внимания. Без сомнения, любые действия террористов спланированы на период перехода морем».

Талеев начал машинально готовить себе кофе.

«Хотя по большому счету не царское это дело. Мы, то есть Россия, к этим пароходам пока ни малейшего отношения не имеем. Ни юридического, ни фактического. Вот если в наших водах...»

И тут же сам себе возразил:

«А к торпедированию американского авианосца у африканских берегов имели, да? А к захвату туристского лайнера на Шпицбергене? В общем, Россия, может, и не имеет, зато мы, Команда, – самое прямое. На одном из кораблей будет находиться наш друг и верный товарищ. А Сережа молча сидеть не станет! Значит, корабли – это уже территория наших личных интересов и зона активного спасения лучшего подводника всех времен и народов Сергея Редина. Возражения не принимаются!»

Москва, Лубянская площадь, ФСБ РФ

В дверь кабинета заместителя начальника одного из управлений сдержанно постучали, и на пороге застыл подтянутый человек в военной форме с кожаной папкой для бумаг в левой руке.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Заходи, подполковник. Что у тебя?

– Вчера поздно вечером из Администрации Президента запросили архивные документы...

– Надеюсь, не наши внутренние?

– Нет-нет, текущие. Мы обычно сами составляем обзорную докладную, а тут запросили все бумаги.

– В этом есть что-то необычное?

Подполковник чуть заметно пожал плечами.

– Ну, иногда такое уже случалось...

– Кто конкретно запросил эти бумаги?

– Они были доставлены лично помощнику президента.

– Алексахину?

– Так точно.

Теперь пожал плечами генерал.

– Не вижу в этом ничего экстраординарного.

Подполковник сделал два шага вперед, достал из своей папки лист бумаги и положил его на стол перед хозяином кабинета.

– Наши эксперты из отдела безопасности и контроля обратили внимание на некоторую связь этого неожиданного запроса с полученными и осуществленными телефонными вызовами помощника президента. Здесь имеется распечатка этих вызовов и расклад по времени...

– Так-так-так, – генерал внимательно вглядывался в столбики цифр на бумаге, время от времени переводя взгляд на правую половину листа, где сжато описывались происходившие события. – Значит, поводом к запросу послужил вот этот телефонный звонок? – Указательный палец генерала уперся в одну из строк. – Который, кстати сказать, был принят Алексахиным, а не отменен, как следовало бы ожидать, в самый разгар важного совещания у президента...

Подполковник кивнул.

Хозяин кабинета нахмурил брови и недовольно пробурчал:

– Что у тебя за дурацкая манера ожидать от начальства наводящих вопросов! Чей был звонок?

Офицер достал второй лист.

– Телефонный аппарат принадлежит журналисту Герману Талееву.

– Оп-па-па! Какие до боли знакомые лица!

– Но это еще не все. – Подполковник достал следующую бумагу. – Эти события последовали далее.

На этот раз генерал читал текст долго, даже шевелил губами. Потом снова вернулся к первому листу.

– Когда рейс? – отрывисто спросил он.

– Сегодня, в двадцать пятьдесят две по Москве.

Генерал выпрямился в кресле, перевел взгляд на приоткрытое окно и задумался. Потом снова повернулся к молча ожидавшему офицеру.

– Какие конкретно бумаги доставлялись в Кремль?

Подполковник, словно только и ожидал этого вопроса, мгновенно вытащил из своей кожаной папки стопку сколотых степлером листов и положил на стол перед генералом. Тот хмыкнул и принялся просматривать бумаги, бросив подполковнику:

– Садись, садись...

Пять минут в кабинете стояла полная тишина. Потом генерал поинтересовался:

– Ну, а эти наши... эксперты... Что, по их мнению, заинтересовало помощника?

Подполковник слегка смутился. Или очень умело это изобразил.

– Я посчитал, что без вашего указания преждевременно задавать им такие вопросы и вообще... акцентировать их внимание на кремлевском отчете. Им пока известен только факт его запроса Администрацией, но не само содержание бумаг.

Генерал поверх очков очень внимательно посмотрел на подчиненного. Казалось, он хочет сказать что-то важное, но ограничился коротким:

– Вы правильно поступили. – И добавил: – Но в таком случае вместо них вам самому придется указать мне на... предполагаемые пункты, вызвавшие повышенный интерес Алексахина.

Подполковник привстал со стула и, не колеблясь, указал пальцем в одно место отчета.

– И еще второй абзац сверху на следующей странице.

Генерал даже не стал проверять. Интерес, с которым он смотрел на офицера, вернувшегося на свое место, был абсолютно неподдельным.

– А вы хорошо сумели разобраться в ситуации, подполковник. Значит... – Он не договорил и подошел к окну, заложив сцепленные руки за спину. Несколько секунд спустя он продолжил, казалось, о другом: – Герман Талеев уже неоднократно попадал в поле зрения нашего ведомства. Это, впрочем, не говорит ни о чем плохом. Как и о хорошем. Конечно, с ним неоднократно проводились беседы на разных уровнях, которые заканчивались предложениями о сотрудничестве. И всегда он очень мягко и вежливо, но категорично отказывался. Он великолепный журналист, репортер, корреспондент. Сделал блестящую карьеру за короткое время. Отличительная черта – нелюбовь к популярности. Да-да, именно к тому, чем люди его круга просто бредят. Он никогда не выступает на телевидении, даже отказался от очень заманчивых предложений государственных и многих других телеканалов создать собственную передачу. У нас появлялись подозрения, что он сотрудничает «со смежниками»: ГРУ, ФСО, Службой внешней разведки, на худой конец МВД. Но проверка ничего не выявила! Зато, особенно в последние годы, его имя постоянно всплывает на задворках весьма крупных дел. И, что интересно, большинство из них не только не имеют отношения к нашему ведомству, а вообще никак не связаны с Россией! То это остров Шпицберген, то американский авианосец у берегов Африки, то натовская ударная подводная лодка...

Уловив паузу в монологе начальника, подполковник позволил себе уточнить:

– Может, все это как-то связано с его основной специальностью журналиста-международника?

– Возможно, возможно... Как ты сказал, основной? Да-да, очень, очень точное определение! Основной... Так на кого же он работает?

– На Алексахина! – выпалил подполковник.

Генерал взглянул на него, но не увидел на лице служаки и намек на иронию.

– И опять точно! – Он вернулся в свое начальственное кресло. – А что там у нас в Мюнстере?

– Так, медицинский симпозиум...

Генерал ненадолго задумался.

– Мелковата, однако, тема для журналиста уровня Талеева. Что-то другое его привлекло. И Алексахина... Учитывая тематику запрошенных документов, это, скорее всего, оружие. То есть факты его нелегальных поставок с Ближнего Востока. Странно, странно... Такие вопросы никогда раньше не входили в круг интересов помощников президента. И за Владимиром Викторовичем подобного любопытства до сих пор не наблюдалось. Ну что ж, подполковник, свяжитесь с нашей агентурой в Германии. Пусть для них появление известного журналиста не будет неожиданностью. Предупредите о визите и наших немецких друзей. Впрочем, не надо! Последнее я сделаю сам. Обо всех действиях журналиста и его передвижениях докладывать мне лично. И еще: подберите надежного агента-универсала, которого можно немедленно отправить в Мюнстер. Он не должен быть там позднее Талеева. Я его лично проинструктирую через... час.

– Не проще ли дать задание той же агентуре в Германии?

– Подполковник! Здесь только я решаю, что проще и как следует поступать!

– Прошу прощения, товарищ генерал! Я...

– Все! Свободны, подполковник. Документы оставьте у меня.

– Слушаюсь, товарищ генерал!

Подчиненный сделал четкий поворот кругом и вышел из кабинета.

«Оружие, оружие... Ох, как не нравится мне этот интерес! Журналиста при необходимости мы всегда сможем нейтрализовать, а вот такую темную лошадку, как Алексахин...»

Генералу надо было о многом подумать. И посоветоваться. Он приказал секретарю ни с кем его не соединять до прихода агента на инструктаж и запер изнутри на ключ дверь своего кабинета. Потом удобно расположился на небольшом диванчике в дальнем углу и прикрыл глаза.

В разговоре с подчиненным офицером генерал раскрыл лишь половину своих мыслей, предпочитая пока помалкивать о некоторых своих догадках и предположениях. Он был опытным контрразведчиком, наблюдательным человеком и умел, сопоставляя незначительные факты, делать далеко идущие выводы. Причем в большинстве своем правильные.

А вот в данном случае концы с концами не сходились.

«Что за игру ты ведешь, господин помощник президента? В срочном порядке отправляешь в Германию журналиста Талеева, чтобы разобраться на месте с вопросами, которые раньше тебя не интересовали... И одновременно его подставляешь! Вряд ли это случайно: прежде чем сбросить ему материалы, ты позвонил по сотовому телефону, зная или догадываясь, что звонок нами прослушивается. И в разговоре точно указал место действия и время вылета, явно рассчитывая, что мы не выпустим Талеева из поля зрения...»

Генерал поерзал на диванчике, словно выбирая место поудобнее. Он попробовал обкатать такой парадокс с одной, другой и даже третьей стороны, но был вынужден признать, что версии выходили слабые и маловероятные.

«Черт с ним, время покажет. Ясно одно: журналисту нельзя позволить разворошить клубок «оружейных» связей! А то ведь могут всплыть такие следы, о которых в Администрации знать совсем не обязательно. Но предварительно стоит все-таки убедиться, что его цель – именно поставки оружия. Тогда можно идти и на крайние меры, если этот журналист сунет нос туда, куда не следовало. Мало, что ли, сгинуло их брата на бескрайних просторах информационных полей?! А вдруг это все-таки какая-то дьявольски хитрая игра президентской Администрации конкретно против нашего ведомства или персонально против... Впрочем, никаких

имен! А вами, уважаемый помощник президента, мне придется заняться вплотную, провести детальную разработку по полной программе. Я найду способ нейтрализации, будет вам убийственный компромат. А Талеев послужит нам первой ниточкой. Пока не оборвется...»

Москва, Кремль

Не так часто Владимир Викторович Алексахин пользовался кремлевской спецсвязью. Но сейчас был именно такой случай: предстоящий звонок никем не должен быть засечен и отслежен.

– Добрый день, Максим!

– Слушаю вас.

– Мы беседуем по защищенной линии, поэтому не будем тратить времени на ненужную конспирацию.

– Я понял вас, Владимир Викторович.

Максим Лифанов, или просто Макс, был вторым человеком в Команде, который, кроме Талеева, имел личный выход на Куратора.

– Помнится, с месяц назад ты докладывал мне о новом кандидате в постоянный состав Команды. Что ты теперь о нем можешь сказать?

– Мое личное мнение с тех пор не изменилось: этот парень вполне способен со временем занять освободившееся после корейской неудачи место в наших рядах. Школа у него хорошая: спортсмен, служба в ВДВ, потом ОМОН. Конечно, еще много предстоит поработать над профессиональной подготовкой, да и психологически он пока еще слабоват. Но есть желание, здоровая злость. При этом чрезвычайно хладнокровен. Умеет подчиняться. Я планирую для него специализацию снайпера: он кандидат в мастера по биатлону. Сейчас только заканчивает первый этап отбора, то есть продолжает работать на прежнем месте, а мы пристально наблюдаем, контролируем и лишь изредка, исключительно «втемную», привлекаем его к некоторым несложным операциям. Пока проколов не было.

– Отлично. Вот и я хочу привлечь его к одной своей несложной операции. Пусть это будет его завершающий экзамен на первом этапе.

– Нет проблем, Владимир Викторович. Вы хотите, чтобы Мальчика кто-то из наших контролировал, страховал?

– Этого не потребуется. Тем более что о его задании буду знать только я. Организуй нам личную встречу на квартире в Измайлове. Меня представь, как... Ну как очень важного заказчика. Через... два часа, сможешь?

– Да.

– Если беседа окажется плодотворной, я сам решу вопрос с его службой-работой.

– Все понял, Владимир Викторович.

– Отбой!

...Встреча состоялась ровно через два часа в небольшой двухкомнатной квартире типовой многоэтажки. Владимир Викторович приехал на нее в собственном автомобиле, который предусмотрительно оставил в двух кварталах от дома. Пока шел пешком, успел прикинуть в голове короткий план предстоящей беседы и несколько раз профессионально проверить: слежки за ним не было. «Не успели организовать или посчитали ненужной? Правильно, гораздо большую угрозу для охраняемой вами безопасности, господа эфэсбэшники, я представляю не сейчас, а как помощник президента!» Куратор даже улыбнулся собственным мыслям.

Трудно составить определенное мнение о незнакомом человеке за пять минут игры в вопросы-ответы, но Алексахину понравились внутренняя сдержанность молодого человека, его немногословность и вместе с тем точность в определениях, реальная оценка своих сил и возможностей при полном отсутствии какого-либо самолюбования. Куратор уверенно сделал свой окончательный выбор.

– Посмотрите внимательно на эти фотографии. Запомните их хорошо. Этот человек и будет вашим заданием: вы станете его тенью на ближайшие две-три недели, а при необходимости и больше...

Москва. Квартира Талеева

– Привет, Галчонок! Тысяча извинений, что вторгаюсь в твои личные выходные... А кстати, где ты сейчас?.. О господи, что же тебя занесло-то на родину Деда Мороза?! Отдыхаешь душой и телом? Ну-ну, конечно, сколько же можно работать под палящим солнцем. Да еще и в чадре... Даже не думаю издеваться! Сочувствую. Послушай, у меня, как всегда, цейтнот, катастрофически не хватает времени. Поэтому сразу предлагаю тебе спуститься немного южнее. Как ты относишься к Балтийскому взморью?.. Нет, не Калининград, существенно западнее, почти у Дании, но на берегах Германии... Очень рад, что ты об этом давно мечтала! Только начинать придется с суши. Итак, Мюнстер... О-о! Ты просто поражаешь меня своими энциклопедическими знаниями! Поэтому-то мне так необходимо твое присутствие. Я прилечу туда из Москвы этой ночью на самолете для официального освещения какого-то медицинского симпозиума, остановлюсь в отеле «Мюнстер»... А когда у нас по-другому было? То-то же. По полной программе. Я бы даже сказал, что по сверхполной... Вряд ли мне что-то удастся захватить с собой отсюда. Экипируемся на месте... Спасибо, родная, буду только рад! Итак, до встречи.

Глава третья

Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия, г. Ахаус

Проснулся Сергей рано – еще не было семи часов утра – и сразу засобирился домой. Он чувствовал себя достаточно бодро. О вчерашнем автомобильном инциденте напоминала лишь повязка на голове да впечатляющих размеров синяк на левом бедре. Впрочем, синяка под брюками не видно, а повязку Редин снял собственноручно, не дожидаясь помощи медиков. Так что когда в палате появился вчерашний доктор, Редин уже умылся, побрился и с нетерпением ждал, пока его отпустят.

Сергея никто не задерживал. Врач только посоветовал, особенно в первые дни, соблюдать максимальный покой, больше отдыхать лежа и непременно через недельку показаться на контрольный осмотр.

В гостинице на ресепшне невозмутимый клерк степенно осведомился о здоровье постояльца и сообщил, что господину Редину сегодня уже дважды звонили с работы. Сергей кивнул и хотел попросить ключ от номера, когда вспомнил, что сам его накануне вечером не отдал портье. Он начал рыться в карманах одежды, но никак не мог найти злополучный ключ. Внимательно наблюдавший за его потугами служащий гостиницы неторопливо повернулся к стенду, снял с крючка ключ с биркой и протянул Редину:

– Прошу вас!

Сергей недоуменно взял его в руки, оглядел со всех сторон, даже зачем-то подергал за бирку. Это, определенно, был именно его ключ, а не дубликат. Но он же ясно помнил, как, отправляясь на ужин, опустил его в карман брюк. Рука сама потянулась к затылку и осторожно ощупала свежую шишку. «Здорово, однако, я вчера приложился, если уже «тут помню, тут – не помню...»

Редин взглядом поблагодарил портье и, не ожидая лифта, медленно начал подниматься по лестнице на свой этаж. Он подумал о том, что несколько предыдущих контактов с Талеевым и другими членами Команды принесли определенные плоды: почувствовав опасность, Сергей стал проявлять повышенную осмотрительность и оставил кое-какие тайные контрольные метки в своем гостиничном номере.

Первого же сигнального волоска на входной двери не оказалось. Пройдя внутрь, Редин позвонил на ресепшн и поинтересовался, производилась ли уборка в его номере. Тот же невозмутимый голос обстоятельно сообщил, что наведение порядка в номерах производится исключительно по согласованию с постояльцами. К тому же время дневной уборки еще не наступило, но, если господин Редин желает... Сергей, естественно, не желал.

Таких же волосков не оказалось ни на дверцах гардероба, ни на выдвижных ящиках письменного стола и прикроватной тумбочки. Наверняка таинственные посетители искали какие-либо материальные подтверждения его контактов с Виктором Гейденрейхом. Но Сергей не вел никаких записей, а фотографии Виктор так и не успел передать.

«И все-таки господа бандиты не поленились даже аварию организовать, чтобы меня на ночь из гостиницы убрать. А я-то хорош! Осмотрительность, осмотрительность – а сам на авто-трюк, как мальчишка, попался! Только, выходит, зря старались».

Тут его взгляд упал на лежащий на письменном столе нетбук, и он сразу засомневался в правильности своих скорых выводов. Редин был настолько уверен, что никакого компромата на жестком диске нет, что не стал оставлять на крышке прибора каких-либо тайных отметок. К тому же вход был на пароле.

«Ха! Это для обычных людей преграда, а у ночных посетителей было и время, и желание, а главное, и возможности залезть в мои записи. Никакие рабочие данные я не сохраняю, личная почта вряд ли кого заинтересует: она действительно личная. А вот... Да! Наш контакт

с Талеевым! Разумеется, не содержание, а сам факт. Это – ниточка, особенно в привязке ко времени. Надо будет предупредить Геру, пусть имеет в виду».

Однако в контактной сети Талеева не оказалось, а звонить по мобильнику Сергей не рискнул, напуганный возможностью установки прослушки на его аппарате: телефон вместе с другими его вещами был сдан медицинскому персоналу госпиталя на временное хранение. «А там за ночь что угодно можно установить!» Поэтому он решил позвонить после того, как приобретет новый телефон с сим-картой. И связаться попытается из интернет-кафе. Обжегшись на молоке, будем теперь и на воду дуть!

Только сейчас капитан 2-го ранга вспомнил о том, что ему настойчиво звонили с работы, то есть из хранилища. Сергей решил, не откладывая, отправиться туда.

В административном корпусе его пригласили в кабинет одного из заместителей генерального директора, который руководил отправкой урановых стержней, и там сообщили, что по не зависящим от фирмы причинам судам-доставщикам придется отплыть несколько ранее запланированного срока. Независящие причины – это неблагоприятный прогноз синоптиков по акватории Балтики. Дело в том, что сильный циклон, который последние пару недель затруднял судоходство в Северном море, постепенно перемещается на восток и уже через три-четыре дня должен накрыть побережье Германии, Дании и всю западную часть Балтийского моря. Короче, надо отплывать не позднее послезавтрашнего дня, чтобы, опережая циклон, следовать перед ним до самых берегов Финляндии. А там и до Питера рукой подать. Вопрос уже согласован с российской стороной. Вот, собственно, главная причина, по которой его так настойчиво желали увидеть.

– Какие-нибудь замечания или пожелания у господина инспектора Редина имеются?

– Да, господин руководитель, имеются.

У не ожидавшего такого поворота немца брови удивленно и как-то настороженно поползли вверх. Сергей поспешил успокоить этого заводского представителя.

– Имеются пожелания, но не замечания. – Немецкие брови начали опускаться. – Они носят исключительно технический характер, направлены на повышение уровня безопасности перевозки и не потребуют от посылающей стороны, – тут последовал предельно вежливый кивок в сторону заместителя директора, – абсолютно никаких расходов. – Брови уютно вернулись на свое место. – Понимаете, – Сергей даже доверительно наклонился к руководящему специалисту, – мои российские инструкции очень строги и предписывают обязательное наличие на борту доставляющего груз корабля... э... определенных инструментов и материалов. Ну, как, например, аптечка и огнетушитель в вашем автомобиле.

Немец мгновенно просиял: все, что касается безопасности личного автомобиля, здесь было понятно каждому с пеленок.

– О! Разумеется! Что бы вы хотели?

– Пожалуйста, позвольте мне воспользоваться услугами переводчика, и через полчаса я положу на ваш стол нужный список.

– Конечно-конечно, и не торопитесь, пожалуйста!

Через сорок минут на стол перед заместителем директора лег лист бумаги с коротким, пунктов на восемь-десять, списком. Успокоившиеся было брови теперь взлетели так высоко, что их стало легко спутать с короткой челочкой волос на лысом черепе руководителя. Он недоуменно переводил ошарашенный взгляд со списка на стоящего перед ним русского. Сергей как ни в чем не бывало разглядывал подчеркнуто строгий, но предельно функциональный интерьер кабинета. А переводчик почему-то кланялся и разводил руками. Наконец заместитель обрел дар речи и смог выдать:

– Это предписывают ваши российские инструкции?!

– Неукоснительно! – солидно кивнул Редин.

Немец сосредоточенно вытер большим белым платком вспотевший лоб, опустил на место брови и неуверенно пробормотал:

– Некоторые... э... предметы из вашего списка представляют... э... раритетные... э... изделия, так как давно уже не применяются на нашем производстве... Может, заменить их на более современные аналоги?

– Нет, – уверенно заявил Редин. – Я привык работать с таким инвентарем.

– А не опасно ли будет нахождение такого количества ацетиленовых и кислородных баллонов непосредственно в корабельном хранилище?

Сергей ласково посмотрел в глаза хозяину кабинета и задумчиво произнес:

– Ну, что вы! Не опасней, чем кувалда пятикилограммовая из пункта номер шесть.

– Да-да, я все понимаю. – Вот в этом Редин сильно сомневался. – Мы ведь можем связаться с некоторыми городскими автомастерскими, у них в запасниках...

– Вот и прекрасно! Спасибо за понимание, я, пожалуй, пойду.

Немец как-то неуверенно начал переминыться с ноги на ногу. Было очевидно, что ему надо сообщить еще какую-то новость, но он не знал, с чего начать.

– Э-э-э... Видите ли, уважаемый господин Редин... Это была не моя инициатива, – заместитель директора поднял глаза к потолку и туда же устремил свой указательный палец, – но... интересы безопасности...

– Смелее! Мы все именно о ней, родимой, и печемся.

Юноша с обликом классического «ботаника» замешкался с переводом, но немец не стал дожидаться:

– Изначально мы сознательно ввели всех – и вас в том числе, в некоторое заблуждение...

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Сергей.

– О, поверьте, в этом нет ничего... э...

– Личного, – подсказал Редин.

– Да. Это было настоятельное требование нашей службы безопасности. Именно они организовали через Интернет распространение информации о предстоящей перевозке в Россию радиоактивного груза. Только предполагаемый срок операции был указан в конце этого года, а количество судов-перевозчиков – три единицы.

– Я сам видел эти сообщения, – подтвердил Сергей.

– Но фактически все подготовительные работы мы закончили на четыре месяца раньше. А урановые стержни погрузили на один корабль.

– Со сроками все понятно. Я ведь сюда вовремя прибыл. А вот с перевозчиками... Весьма неожиданное заявление. Куда же другие пароходики денутся?

– О, не беспокойтесь! Для... э... нежелательного наблюдателя со стороны ничего не изменится – в путь отправится группа судов из трех единиц, как и планировалось. Только фактически груз будет находиться лишь на одном из них.

Редин на минуту задумался. Только совсем не о том, что мог предположить немец. «Становится отчасти понятно, что за пометки делал обер-мастер на контейнерах. Вся ваша секретность, уважаемые поставщики, пошла прахом. Как раз те, кому не следовало, сейчас прекрасно осведомлены, на каком именно судне покоятся урановые стержни!» Однако вслух он произнес другое:

– Весьма оригинальное и похвальное решение. – Сергей был абсолютно серьезен, а у немца напрочь отсутствовало чувство юмора.

– Спасибо. Разумеется, вас лично доставят на этот единственный корабль.

«Попробовали бы и меня на «пустышку» засунуть!»

Капитану 2-го ранга необходимо было выяснить еще один важный вопрос.

– Я знаком с организацией подобного рода транспортировок. На судах-перевозчиках имеются свои специалисты, которые в пути наблюдают за опасным грузом и поддерживают необходимый режим его хранения.

Заместитель согласно кивал головой в такт перевода.

– Будет ли сопровождать груз по морю ответственный представитель вашего хранилища или он каким-то другим способом доберется в пункт назначения, чтобы официально зафиксировать своей подписью акт приема-передачи?

– Да-да. Такой опытный специалист будет на борту судна. Он обладает правом подписать соответствующие документы и сможет дать в Санкт-Петербурге самые исчерпывающие пояснения о грузе. Вы, наверно, уже сталкивались с ним в хранилище. Это обер-мастер Дитрих Кляйн.

«Почему-то я вовсе не удивлен».

– Я успел лишь весьма поверхностно познакомиться с обер-мастером в хранилище. Надеюсь, что за время следования до Санкт-Петербурга мы лучше узнаем друг друга и установим добрые и конструктивные отношения.

На этом Сергей распрощался и вышел из кабинета. Он уже ни секунды не сомневался в обоснованности всех подозрений Виктора Гейденрейха. «Веселый, как видно, предстоит круиз! Куда же ты подевался, мой верный друг Талеев? Боюсь, без твоей помощи мне будет не справиться».

Телефон журналиста по-прежнему не отвечал.

Пригород столицы одного из ближневосточных государств

– Рад приветствовать вас, многоуважаемый Ахмад! Прошу простить мою задержку, я должен был связаться с вами еще вчера, но неожиданно возникли некоторые трудности чисто технического характера у специалиста, которого вы направили ко мне для установки и настройки нового канала связи...

– Вижу, вижу, Хасан, что вы сейчас пользуетесь именно этим каналом. Значит, все проблемы позади, слава Аллаху! Зато теперь мы можем быть абсолютно уверены, что наш разговор не коснется ничьих ушей. Уникален не только сам аппарат, но и вся линия связи. Ни у одной спецслужбы пока нет возможности прослушивать такой канал!

– О да, почтеннейший! Даже в моем многообразном арсенале всевозможных средств связи со всего мира нет ничего подобного. Я же хотел сообщить вам, что товар доставлен в обусловленное место полностью и без малейшей задержки. Наш немецкий друг принял его. Однако понадобилось время и дополнительные расходы, чтобы выполнить этот... весьма специфичный заказ. Нелегко было найти требуемое морское вооружение. Только...

– Не стесняйтесь, Хасан! И называйте все своими именами. Возникли какие-то неясности при расчетах, так?

– Вы, как всегда, чрезвычайно прозорливы. И безусловно, представляете, какие дополнительные трудности возникают при внезапном изменении пункта доставки. Но ваша просьба, уважаемый Ахмад, для меня закон!

– Я искренне вам благодарен, мой друг.

– Мне пришлось задействовать весьма опасный канал, чтобы доставить груз на остров Рюген. Я привлек к этому значительное количество людей и техники... Соответственно выросли и расходы. Но наш друг Карл, вероятно, не совсем правильно оценил мои риски.

– Успокойтесь, Хасан! Ведь это была моя просьба, так? Я не посчитал нужным посвящать Карла во все подробности операции. А для окончательного расчета с вами ожидал как раз подключения этой новой линии связи. Прямо сейчас вы укажете мне реквизиты банков и номера счетов, куда надо перевести деньги, а потом сможете на своем компьютере в режиме реального времени проследить сам факт перевода. Надеюсь, у вас больше не останется вопросов.

– Что вы, уважаемый Ахмад! Какие могут еще быть вопросы после таких авторитетных заверений?! Я всегда останусь вашим покорным слугой. Да пребудет с вами милость Аллаха!

– Одну минуту, уважаемый Хасан! Я знаю, что у вас существует прямой контакт с нашим другом Карлом. Прошу вас немедленно связаться с ним и передать мое приглашение на короткую, но чрезвычайно важную личную встречу. Я буду ожидать его через два-три дня в одном из наших учебных центров в Ливане. Вам они известны. Речь идет о пригороде Джебеля.

– Да, я бывал там лично.

– Не забудьте согласовать и уточнить время встречи. И, пожалуйста, пользуйтесь для связи только новым каналом!

– Непременно, уважаемый Ахмад. Все будет исполнено.

Лагерь подготовки исламских террористов в Ливане

...И без того худое лицо Карла вытянулось, казалось, еще больше. Щеки запали, а под глазами появились темные круги. Было заметно, что он с трудом переносит местный душливый зной. Кроме того, только что остались позади утомительный авиаперелет в Бейрут с двумя пересадками и тряская дорога на автомобиле до Джебеля, а потом еще дальше в гористую пустыню.

Но не принять предложение о встрече с самим Ахмадом он, конечно, не мог – слишком многое зависело от этого человека. А какие деньги поставлены на карту! Тут забудешь и об отдыхе, и о разыгравшейся язве.

– Еще раз заверяю вас, уважаемый Ахмад, что нет никаких причин для беспокойства, – убеждал он своего партнера при встрече в одном из лагерей подготовки террористов. – План акции продуман до мелочей, а благодаря вашей неоценимой помощи все необходимое оборудование доставлено без задержек. Ваши специалисты тоже на месте и готовы к работе. Думаю, завтра в середине дня можно начинать.

– Да-да, мои люди все держат под контролем и регулярно докладывают мне. Послушайте, Карл, я действительно знаю очень много. Ваша организация испытывает сейчас определенные затруднения практически по всем направлениям. Это недостаток кадров, слабое материально-техническое обеспечение, наконец, невнятная политическая платформа и полное отсутствие какой-либо агитационной работы. Вам нечем похвалиться, кроме исторических успехов более чем тридцатилетней давности. А вы, конечно, помните великие слова о том, что «дерево революции постоянно нуждается в поливании кровью своих героев». Простите мой корявый перевод...

– У нас есть молодые люди, готовые пожертвовать жизнью, – голос Карла возвысился, на щеках загорелись красные пятна.

– Не надо жертвовать жизнью! Это удел беспомощных. Борьба должна быть кровавой и победоносной. Готовящаяся акция может дать вам главное – материальные ресурсы, необходимые, чтобы подняться из руин. А может и не дать...

На попытку Карла заявить что-то ура-патриотическое Джебриль резко поднял вверх руку.

– Все мы живем под милостью Аллаха! Только он один знает наш завтрашний день. Поэтому сегодня я говорю с вами откровенно. – Ахмад впился в лицо немца своими черными глазами. – Я ознакомился с подготовленными вами требованиями. Они демагогичны и неконструктивны! – Правая рука вновь предупреждающе взлетела вверх. – Кроме одного – деньги. Так?

Карл почувствовал железную хватку на своем горле. Он судорожно сглотнул. Но не возразил.

– Десять миллионов евро. Вы уверены, что это как раз та сумма, которая вам требуется?

Немец угрюмо молчал. Джебриль удовлетворенно кивнул и как ни в чем не бывало продолжил:

– Проведенную вами подготовительную работу я бы оценил больше. Допустим, в тридцать миллионов евро. Причем вся сумма уже сегодня будет переведена на банковский счет, который вы укажете моему специалисту.

Джебриль позвонил в серебряный колокольчик, стоявший у него под рукой. Дверь тут же приоткрылась, и на пороге комнаты смиренно застыл немолодой араб в европейском костюме и очках. Хозяин небрежно махнул рукой, и араб скрылся, неслышно притворив за собой створки.

– Уважаемый Карл, вы просто отвратительно выглядите. Надо больше заботиться о своем здоровье. Вы еще человек не старый, а впереди предстоит изнурительная созидательная работа. Поверьте моему опыту. Наши связи будут крепнуть день ото дня. Вы обязаны быть полны сил и желаний! Я понимаю, что на вас сильно сказывается неимоверное напряжение последнего времени. Но теперь все позади. Вы сможете великолепно отдохнуть в этом благословенном месте... несколько дней.

Ахмад вновь позвонил в колокольчик, и в комнату вошел высокий плечистый человек в длинных белых одеждах и чалме.

– Вот он, – даже не поворачивая головы в сторону вошедшего, сказал Джебриль, – будет вашим гидом. Думаю, он сможет удовлетворить любое ваше желание. Не стесняйтесь!

Карл почувствовал, что оказался в стальном капкане. Он был достаточно опытен, чтобы не возражать, но все-таки заикнулся:

– А завтра...

Хозяин неторопливо поднялся и важно проследовал к выходу. На пороге комнаты он обернулся:

– А завтра непременно наступит, если будет на то воля Аллаха. И принесет вам славу и... деньги!

Дверь закрылась. Клетка захлопнулась.

Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия, аэропорт г. Мюнстера

В аэропорту немецкого города Мюнстера царило обычное оживление, связанное с только что совершившим посадку транзитным рейсом из России. У недолго пустовавших стоек и заградительных турникетов появились сотрудники визовой и таможенной служб, а сам зал прибытия начал заполняться пассажирами этого рейса. Журналист Герман Талеев оказался в середине очереди, неторопливо продвигавшейся к одному из пунктов досмотра.

С открытой балюстрады второго этажа, опершись руками на тонкие алюминиевые перила, вниз внимательно смотрела высокого роста черноволосая девушка с красивым гордым профилем и грациозной фигурой. Это была Галина Алексеева – Гюльчатай, которая, лишь ненамного опередив своего шефа, прилетела в Мюнстер из Финляндии. Она сразу же узнала Талеева по густой шапке слегка выющихся волос, небрежно закрывавших воротник модной замшевой куртки. «Повезло командиру, что здесь нет никого из Общества охраны дикой природы! А то не избежать бы скандала за натуральную кожу его одежды».

Журналист тоже давно заметил встречавшую его девушку и даже обменялся с ней приветственным взглядом и чуть заметным кивком: «Все в порядке!» Весь его багаж состоял из небольшого плоского чемоданчика, своими размерами больше подходящего под определение «кейс». Никаких проблем с досмотром не ожидалось. Тем более удивительной оказалась внезапно возникшая заминка у проверочной стойки, когда к ней подошел Талеев.

Из-за значительного расстояния Галя не могла слышать начавшегося там разговора, но ясно увидела, как один из служащих, держа в руках паспорт журналиста, скрылся за находившейся рядом со стойкой дверью какого-то помещения безо всяких табличек. Талеев что-то спокойно объяснял стоявшим перед ним контролерам. Девушка знала, что Герман в совершен-

стве владеет немецким языком и поэтому не сомневалась, что недоразумение вот-вот благополучно разрешится.

Однако из-за безмянной двери служащий аэропорта появился в сопровождении двух полицейских в форме и представительного строгого мужчины средних лет в костюме мышинного цвета с узким галстуком. «Ого! События принимают неожиданный и неприятный оборот. Такими костюмами в свое время бесперебойно снабжали руководящих сотрудников «штази», а их теперь много в объединенной немецкой госбезопасности», – подумала Гюльчатай и начала быстро спускаться вниз по широкой лестнице. Подойдя к огражденной территории досмотра, она уже хотела привлечь внимание немецких должностных лиц, когда глазами натолкнулась на предостерегающий взгляд журналиста. Ошибиться было невозможно: он приказывал не вмешиваться.

Алексеева не могла ослушаться и лишь молча смотрела, как двое полицейских уводят ее командира в сторону того же безмянного кабинета, а мужчина в костюме что-то негромко говорит по сотовому телефону. Вот за Талеевым закрылась дверь, и тогда девушка громко воскликнула:

– Эй, послушайте! – до безупречного произношения Геры ей было, конечно, далеко, но ее разговорную речь мог понять каждый немец.

Головы всех сотрудников тут же повернулись в сторону Галины, включая и немца с галстуком. Не прекращая телефонного разговора, он внимательно посмотрел на источник нарушения порядка, тишины и спокойствия в аэропорту.

– Да-да, именно вы! – Гюльчатай даже указала на мужчину пальцем и начала рыться в своей сумочке, отыскивая необходимый документ.

Строгий мужчина оказался вполне вежливым. Спрятав телефон в карман, он пересек границу охраняемой зоны и подошел к Алексеевой.

– Вы что-то хотели, фройляйн?

К этому времени Галя вытащила требуемую бумажку и, показывая ее немцу, зачастила:

– Послушайте, герр начальник! Ведь вы здесь самый главный, да? Я пресс-атташе российской делегации на международном медицинском симпозиуме в вашем городе. А в аэропорт приехала специально, чтобы встретить известного российского журналиста Талеева. Он будет освещать для всей нашей страны ход симпозиума. Что происходит? Откуда здесь полицейские и куда они увели господина Талеева? Я требую, чтобы меня немедленно пропустили к нему! Он известнейший журналист, и подобный инцидент может иметь большие международные последствия. Да-да, в том числе и политические...

Немец был просто ошарашен натиском красивой пресс-секретарши. Он даже отступил на шаг и, казалось, не вникал в смысл сыпавшихся на него объяснений, требований и угроз. Его глаза против воли гипнотически следили за красной книжицей-удостоверением, которой Гюльчатай в такт своим словам размахивала перед его носом. Он даже не пытался взять документ в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.